

УДК – 342  
ББК – 67.400

**КОВРЯКОВА Елена Владимировна,**  
доцент кафедры конституционного и муниципального права  
ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кандидат юридических наук  
e-mail: ekovr@inbox.ru, 8 (916) 174-29-39 (м.)  
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9,  
кафедра конституционного и муниципального права

12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс;  
муниципальное право

### **ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРАКТИКЕ (рецензия на книгу: Крылов Б.С. Избранные труды: сборник статей, авторефератов, лекций, тезисов / сост. Е.В. Коврякова. Москва: Проспект, 2017. 288с.)**

**Аннотация.** В рецензии рассматривается проблема отсутствия реального верховенства парламента, а также важнейших элементов парламентаризма в современных странах (разделения властей, действенного парламентского контроля и т.д.). Анализируется отсутствие реального демократического политического режима в западных демократиях.

**Ключевые слова:** идеология, неокOLONиализм, фашизм, парламентаризм, верховенство парламента, разделение властей, парламентский контроль, правительство.

**KOVRYAKOVA Elena Vladimirovna,**  
associate professor constitutional and municipal right  
FGBOU VPO «Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)»,  
Candidate of Law Sciences  
e-mail: ekovr@inbox.ru, 8 (916) 174-29-39 (m)  
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., house 9,  
department of the constitutional and municipal right

### **THE LIBERAL-DEMOCRATIC FOUNDATIONS OF CONTEMPORARY STATES AND THEIR REALIZATION IN PRACTICE (Book Review: B. Krylov. Selected Works: a Collection of Articles, Abstracts, Lectures, Theses. Moscow: Prospect, 2017. 288 P.)**

**Annotation.** This review is consecrated to a problem of real parliamentary supremacy default and failure of significant parliamentarism elements in contemporary countries (separation of powers, effective parliamentary control and so on). It is revealed that real political mechanism in the so-called leading democracies differ from those provided in their Constitutions.

**Keywords:** ideology, neocolonialism, fascism, parliamentarism, parliamentary supremacy, separation of powers, parliamentary control, government.

Сборник, подготовленный на основе избранных трудов одного из крупнейших теоретиков российского федерализма, доктора юридических наук, профессора Бориса Сергеевича Крылова (1923–2013)<sup>1</sup>, представляет интерес как с теоретической, так и с практической стороны. Прежде всего, это связано не только с опубликованием в одном издании обширного материала, написанного в разные годы, но и с возможностями его использования в наши дни. При этом сфера научных интересов Б.С. Крылова была весьма широкой. Ее составляли вопросы не только государственного (конституционного) права России и зарубежных стран (парламентаризм, федерализм, правовые проблемы национальных отношений, идеологии и др.), но и административного права, а также международного публичного права, что и отражено в данном сборнике.

В первом разделе сборника вниманию читателей представлены статьи Бориса Сергеевича Крылова, написанные им в советский период развития нашей страны (с 1951 по 1993 гг.). В связи с усилением исполнительной власти в зарубежных странах

<sup>1</sup> Борис Сергеевич Крылов – доктор юридических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны. Окончил Военно-юридическую академию в 1947 г. Занимался преподавательской и научной работой в Военно-юридической академии, Институте мировой экономики и международных отношений, Академии МВД СССР. В период с 1996 по 1997 гг. – глава делегации Российской Федерации в Комиссии по правам человека ООН. Член экспертных советов Министерства национальностей РФ, Комитета Государственной Думы по национальным отношениям и т.п. Заведовал отделом правовых проблем федеративных и национальных отношений Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Эксперт и сторона в деле в Конституционном Суде РФ. Автор более 140 работ по различным аспектам публичного права России и зарубежных стран. Соавтор ряда учебников для вузов по государственному (конституционному) праву. Заслуженный деятель науки Российской Федерации // <Юридическая Россия: сайт> (<http://law.edu.ru/person/person.asp?persID=1121148>). Дата обращения: 15.09.2016.

рассматривается роль ведомственных нормативных актов в зарубежном законодательстве, а также деятельность органов административной юстиции. Кроме того, особое внимание Б.С. Крылов уделяет изучению вопроса эффективности организации полиции в зарубежных странах, что также не потеряло актуальность и в наши дни.

Раздел предваряет автореферат его диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Фашизация и милитаризация государственного аппарата США после Второй мировой войны», абсолютно верно в своем наименовании открывший суть изменений общественного строя Соединенных Штатов после окончания Второй мировой войны. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что план реорганизации высших органов военного управления США был составлен бывшим начальником Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковником Г.В. Гудерианом по заданию американского правительства (один из основоположников моторизованных способов ведения войны и родоначальников танкостроения в Германии). Кроме того, по мнению исследователя, фашизация государственного аппарата выразилась в создании неконституционных органов, «вся практическая деятельность которых направлена на ликвидацию остатков прав и свобод, зафиксированных в конституции, а также в беспрецедентном в истории США возрастании власти президента», что нашло свое выражение в бесконтрольном назначении президентом федеральных чиновников, заключении международных соглашений и фактической узурпации права объявления войны [10, с. 19, 20].

С данными выводами нельзя не согласиться. Согласно ст. I разд. 8 Конституции США, решение вопросов войны и мира является прерогативой Конгресса. Тем не менее со времени принятия Конституции Конгресс лишь пять раз воспользовался своим правом объявления войны: в 1812 г. во время войны между США и Великобританией, войны с Мексикой в 1846–1848 гг., испано-американской войны 1898 г. и в двух мировых войнах [5, с. 8]. После 1945 г. все американские войны были необъявленными.

В сферу полномочий Конгресса США, так же как и в большинстве стран, входит утверждение бюджета и выделение ассигнований на все государственные акции. Формально Президент лишен каких-либо полномочий в этой области. И все же исполнительная власть может вмешаться в процесс расходования бюджетных средств, используя так называемые замораживания, или «импаундменты». Они заключаются в отказе от расходования и перепрограммировании выделенных Конгрессом денежных средств, т.е. перемещении фондов из одной программы в другую, либо перенесении средств из одной статьи в другую. Это позволяет Президенту самому определять финансовые приоритеты, не считаясь с решениями Конгресса. Особенно часто это применяется в отношении военных расходов.

В условиях ограниченного парламентского контроля над государственными расходами, осуществления внешней политики [10, с. 33–46], поставок оружия за рубеж [8, с. 2–6] фактическое положение главы государства в системе высших государственных органов в Соединенных Штатах зачастую называется «имперским президентством». Не случайно ряд американских авторов фактически рассматривают Президента США наряду с парламентом в качестве органа народного представительства [19, с. 561], тем самым ставя под сомнение то, что избранный народом парламент реально гарантирует признание и одобрение государственной власти народом, а также играет ключевую роль в выражении его воли.

В то же время, как писал Б.С. Крылов, согласно Закону о национальной безопасности 1947 г., в США были созданы неконституционные органы, которые фактически подменили собой кабинет при Президенте и явились центром проведения агрессивной политики США, в частности Совет национальной безопасности и Центральное разведывательное управление (первое в США разведывательное агентство в мирное время). Как представляется, это необходимо учитывать и сейчас, при осуществлении внешних сношений с Соединенными Штатами. В тот же период

последовали серьезные ограничения личных прав граждан. Согласно закону Маккарена-Вуда, вступившего в силу в сентябре 1950 г., созданный Совет по контролю над подрывной деятельностью обладал значительными правами на вмешательство в личную жизнь граждан и правом контроля над их убеждениями. По мнению Б.С. Крылова, перечисленные реформы были направлены на укрепление господства американских монополий, которое сопровождалось стремлением наиболее реакционных элементов финансового капитала к установлению в США фашистского режима и насаждению милитаризма. Как отмечал Б.С. Крылов, все это было ответом на резкое изменение соотношения сил между двумя системами (капиталистической и социалистической) после окончания Второй мировой войны в пользу социализма [11, с. 8–27].

Как показало время, данное утверждение не являлось порождением советской пропаганды, а весьма верно объясняло суть происходящих перемен в Соединенных Штатах. Уже в наши дни конгрессмен Рон Пол ситуацию с экономическим поглощением Америки крупным финансовым капиталом также назвал фашизмом. Подобной ситуации, по его мнению, способствует учрежденная в 1913 г. в соответствии с Законом о Федеральной резервной системе (ФРС), которая, будучи частной структурой и «создавая деньги из ничего», осуществляет надзор за «совершенно эластичной и ненадежной валютой». В результате создания подобной кредитно-инфляционной системы и отдельным людям, и всей стране постоянно приходится снижать свой жизненный уровень. Причем в эмиссии ничем не обеспеченных денег с немалой выгодой для себя стали участвовать и банки посредством частичного банковского резервирования. При этом реальная информация о ее деятельности, благодаря существующему режиму секретности, Конгрессу фактически не доступна. Так, ФРС не отчитывается перед парламентом о том, сколько денег напечатано в США, какие страны получают антикризисную поддержку, какие коммерческие структуры в деловом и банковском сообществе

пользуются большей благосклонностью, чем другие [14, с. 147, 183–185, 194–197].

Современный американский политолог Дж. Голдберг вводит иное понятие – либеральный фашизм, по сути понимая под ним западный неоконсерватизм (неоколониализм с использованием новейших технологий – *Е.К.*) [2]. Как представляется, данная терминология наиболее адекватно отражает современное состояние западной демократии [9, с. 24–29]. По сути, это проблема сохранения государственного суверенитета и территориальной целостности, когда те или иные государства (Югославия, Ирак, Тунис, Ливия, Египет, Украина и др.) обвиняются в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации в целях завладения их ресурсами и размещения баз НАТО.

Данная неоконсервативная идеология распространяется не только на внешнюю политику США и других ведущих западных стран (Великобритании, ФРГ и др.), но и на внутреннюю. Прежде всего, она выражается в нарушении права на личную неприкосновенность собственных граждан. Так, в США под предлогом борьбы с терроризмом после теракта 11 сентября 2001 г. было принято законодательство, существенно ограничившее ряд личных прав и свобод. Кроме того, идея национального превосходства сохранилась в странах западной демократии и в наши дни. В США и странах Британского содружества – Канаде, Австралии, Новой Зеландии, до сих пор существуют резервации для коренного (автохтонного) населения, значительная часть которого была уничтожена европейскими завоевателями. Это значит, что индейцы закреплены на определенных землях, т.е. ограничена свобода племен. Проживающие на территории резерваций не участвуют в выборах государственных органов (т.е. ограничены в политических правах), однако имеют собственное самоуправление [7, с. 32]. В настоящее время индейцы составляют только 1,5% от общей численности населения США.

Таким образом, формально западной цивилизации в целом соответствует либеральная (либерально-демократическая) идеология, а фактически – либерально-

фашистская (неоконсервативная) идеология. В итоге для современного западного общества характерны поправки общепризнанных нравственных основ, кризис нравственности в обществе на глобальном уровне. Параллельно складывается система материалистического мирового порядка, провозглашенная в свое время в Программе НСДАП [2, с. 440–443]. Отсюда можно сделать вывод о происходящих процессах переустройства мира в целях создания так называемой своеобразной империи, куда входит большинство стран, с глобальной системой слежения, осуществляемой с помощью технических средств. В связи с этим ни о какой реализации права на управление делами этих государств гражданами речь не идет, особенно в условиях современного информационного общества. Перечисленным процессам может противостоять только идеология, имеющая в качестве основы нравственную составляющую. Поэтому, как представляется, соответствующие изменения необходимо внести и в действующую Конституцию Российской Федерации 1993 г., дополнив ч. 1 ст. 13 о признании идеологического многообразия положением о том, что оно должно быть основано на традиционных общепризнанных нравственных ценностях. На наш взгляд, это позволит сплотить вокруг России государства с соответствующими ценностными ориентирами и дать отпор возникшим угрозам.

Последующие работы Б.С. Крылова также посвящены исследованию так называемых буржуазных идеологических основ (например, теорий парламентаризма и федерализма). Например, Б.С. Крылов обратил внимание на то, что английские правящие круги после окончания II Мировой войны поставили перед своими пропагандистами задачу провозгласить парламентское правление вершиной демократии, сделать его идеологическим символом общества. В связи с этим еще в 1944 г. в Великобритании было создано специальное «Общество Хансарда в защиту форм парламентского правления» (Hansard Society for Parliamentary Government), целью которого являлась пропаганда парламентаризма английского типа. В учредительном

манифесте общества было заявлено, что представительные учреждения социалистических стран оно считает совершенно неприемлемыми [12, с. 20–21]. Следует отметить, что данное общество функционирует и в настоящее время с тем же самым лозунгом – укрепление парламентской демократии в Великобритании и во всем мире; имеет свой печатный орган – журнал «Парламентские вопросы: журнал представительной политики» («Parliamentary Affairs: A Journal of Representative Politics»), и проводит обучение (особенно молодежи) по соответствующим программам [17].

В то же время следует согласиться с мнением Б.С. Крылова относительно изменения сущности парламентаризма, которое он высказал в 1963 г. Как представляется, данная позиция не потеряла актуальности и в настоящее время. Так, он отмечал, что если некоторые государства Европы в период домонополистического капитализма и свободной конкуренции были относительно близки к парламентаризму, поскольку парламент тогда имел наибольшее значение, то в эпоху империализма этот орган все более удаляется от своего идеала [12, с. 3]. В качестве доказательства он указывал на то, что «парламентаризм» наших дней характеризуется, прежде всего, подчинением парламента правительству, образованному из непосредственных ставленников монополистического капитала, а также «разделением» законодательной и исполнительной властей [12, с. 22].

То, что разделение властей реализуется на практике совершенно не так, как это предполагается в теории, можно проследить на примере осуществления парламентского контроля в ряде стран с парламентарными формами правления. Так, в парламентарной Германии он неэффективен благодаря тому, что правительство формирует парламентское большинство Бундестага, принадлежащее той же партии (блоку партий), которое само себя контролировать не будет. По крайней мере, использование парламентским большинством таких форм парламентского контроля, как парламентские расследования, вы-

ражения недоверия правительству, не является частым, хотя и предусмотрено законодательством. В свою очередь, оппозиционное меньшинство имеет ограниченные возможности для реализации подобных форм парламентского контроля, так как у него нет для этого достаточного большинства голосов (например, для выражения недоверия правительству).

То же самое относится и к Великобритании, являющейся по форме правления парламентарной монархией. «<...> в Англии, – писал Б.С. Крылов, – отсутствует контроль над правительством при помощи порицания или отказа в доверии» [12, с. 289]. В этих условиях в перечисленных странах наиболее распространены такие формы парламентского контроля, как вопросы правительству (для того, чтобы задать вопрос, не требуется наличия абсолютного или квалифицированного большинства), которые не имеют большого значения по сравнению с иными формами (например, упомянутыми парламентскими расследованиями и выражениями недоверия правительству).

Подобная ситуация связана с тем, что существующие в ряде стран избирательные и партийные системы искажают основополагающие принципы народовластия, так как партийная система напрямую зависит от избирательной системы: мажоритарная система относительного большинства в один тур благоприятствует двухпартийной системе с образованием парламентского большинства в палатах (в США за власть борются только две партии – Республиканская и Демократическая, другой альтернативы нет); мажоритарная система в два тура (Франция) и смешанная (ФРГ) – многопартийности [3, с. 278–307] (но с преобладанием одной партии). Таким образом, существующая избирательная система определяет число партий, борющихся за власть, а значит, и степень их влияния на политическую систему.

Таким образом, «<...> вынужденность принятия совместных решений парадоксальным образом сложилась не только на основе американского разделения властей, но и в обратном плане тоже получился парадоксальный результат – британский

парламентаризм и германская канцлерская демократия обеспечили бульший централизм, на бумаге же сделав исполнительную власть зависимой от парламента» [15, с. 84], что фактически не предполагает наличия разделения властей. В результате конституционные нормы, регулирующие взаимоотношения властей, превращаются в фикцию, так как происходит нивелирование всех механизмов, направленных на достижение возможного баланса между законодательной и исполнительной властями. По сути, в Великобритании и в ФРГ осуществляется специализация управления (и законодательная, и исполнительная власти имеют один общий объект деятельности – управление в широком смысле слова [11, с. 158–159]), а не разделение властей.

Серьезно искажает разделение властей и взаимопроникновение ветвей власти, без которого государственный механизм не будет эффективно и оперативно работать [6, с. 65–75]. Об этом свидетельствуют не только теоретические работы западных и отечественных авторов, но и сама конституционная практика. В частности, в настоящее время в Великобритании признается то, что власти не существуют изолированно друг от друга, так как подобное положение вещей могло бы привести к неуправляемости всей системы. По мнению Хилэр Барнетт, необходимо взаимодействие между каждой ветвью власти, так называемое слабое разделение властей [16, с. 73, 75, 76]. В отношении Соединенного королевства современные авторы Нейл Папвез и Никола Пэдфилд также отмечают, что разделение властей не является юридическим принципом, поскольку на практике зачастую соответствующие должностные лица или органы осуществляют более чем одну такую власть [18, с. 16, 20].

Кроме того, о взаимопроникновении ветвей власти говорится и в судебной практике зарубежных стран. Так, в ходе рассмотрения дела Президента США Р. Никсона Верховный суд указал, что конституция предписывает, чтобы ветви власти были одновременно отделены друг от друга и взаимозависимы, являлись автономными и взаимодействующими друг с

другом [4, с. 242]. Отсюда следует вывод, что разделение властей в чистом виде на практике не достижимо и требует определенной корректировки. Не случайно Конституции США 1787 г., Италии 1947 г., Швейцарии 1999 г., а также Форма правления Королевства Швеции 1974 г. и Основной закон ФРГ 1949 г. не содержат положения о разделении властей.

Существующая в западных странах экономическая система также искажает провозглашенные принципы народовластия в связи с отсутствием финансово-экономического равенства участников избирательной кампании. Яркий пример – очень дорогостоящие выборы в США, благодаря чему только две партии (Демократическая и Республиканская) попеременно формируют исполнительную власть, у других партий не хватает финансовых средств. При этом за Демократической партией, как известно, в большей мере стоит банковское лобби, медиа и профсоюзы, за Республиканской – ТЭК (преимущественно нефтяное лобби и ВПК). Как мы видим, народные интересы не представлены. Да и в тех странах, где в последнее время победу одержала социалистическая партия, ее политика весьма расходилась с социалистическими идеалами. В качестве примера необходимо назвать Францию, в которой в ходе выборов Президента 2012 г. победу одержал представитель от социалистической партии Франсуа Олланд.

Немаловажную роль играет и уровень образования населения, так как, помимо прочего, он влияет на возможность реализации гражданами политических прав, на отбор наиболее достойных для участия в управлении обществом и государством, а следовательно, на оптимальное народное представительство [13, с. 441].

Кроме того, в современном обществе формы прямой демократии, т.е. возможности повлиять на публичных представителей, в отличие от представителей, чья деятельность регулируется частным правом, как правило, задействованы слабо. В отличие от частного права, представительство в публичном праве всегда обязательно, независимо от того, могут ли народные представители исполнять свои обязанности

надлежащим образом или нет (право отзыва, как правило, не предусмотрено). Это также можно проследить на примере вопросов, которые не выносятся на референдум, а решаются самим парламентом. В большинстве стран – принятие бюджета и решение вопросов войны и мира, отстранение президента от должности в порядке импичмента (недавний пример – импичмент в отношении Президента Бразилии, члена левой Партии трудящихся Дилмы Русеф, отстранение от должности которой не поддерживалось большинством населения, но было осуществлено органом народного представительства).

В связи с этим, как отмечал Б.С. Крылов, следует учитывать, что прогрессу мешают не представительные учреждения как таковые, а парламентские учреждения, созданные по западным образцам [12, с. 21], так как сложившаяся зарубежная практика парламентаризма входит в противоречие с идейно-теоретической концепцией, служащей научным обоснованием необходимости наличия парламента как института и его общественных функций.

Во второй раздел вошли работы Бориса Сергеевича Крылова, подготовленные им после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. (с 1993 по 2013 гг.) по самой разнообразной проблематике: единство и разделение власти, федеративное устройство и разграничение предметов ведения между федерацией и субъектами, защита прав национальных меньшинств, государственный суверенитет, реформирование высшего юридического образования, борьба с международным терроризмом.

Так, по его справедливому мнению, попытки республик обосновать свою суверенность и тем самым отрицать верховенство Российской Федерации представляют серьезную опасность для независимости и целостности нашего государства [11, с. 211]. Кроме того, не может быть установлено и различий в объеме полномочий органов местного самоуправления, которыми они наделены Конституцией (единственное различие – только в объеме отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления на основании ч. 2 ст. 132 Конституции могут наде-

ваться законом) [11, с. 212]. Борис Сергеевич полагал, что в связи с этим для единства государства необходимо создание вертикали исполнительной власти, а также единого правового поля страны [11, с. 192]. На наш взгляд, взаимосвязанная и иерархически соподчиненная представительная система также будет способствовать укреплению государственного единства и целостности России на современном этапе.

В свете последних событий особую актуальность представляет предложение Б.С. Крылова о принятии международного правового акта, определяющего усилия мирового сообщества в противостоянии международному терроризму и борьбе с ним. Эта борьба не может быть успешной без объединения усилий всех государств на базе такой влиятельной международной организации, как ООН. Как отмечал Борис Сергеевич, современное понимание опасности международного терроризма требует создания международных правовых актов, осуждающих все направления террористической деятельности, призванных обеспечить формирование общего международного фронта борьбы с международным терроризмом и соответствующего международного механизма, обязывающего государства объединиться в борьбе против этой опасности как опасности, представляющей угрозы для всего человечества. В международном акте должен быть решен вопрос о том, кому принадлежит право предъявлять суверенным государствам подлежащие обязательному удовлетворению требования, относящиеся к международному терроризму. По его мнению, как это следует из Устава Организации Объединенных Наций, такое право принадлежит исключительно Совету Безопасности, который вправе принимать решения, обеспечиваемые принудительной силой всех государств – членов ООН. Кроме того, международный суд, создаваемый для рассмотрения преступлений, связанных с международным терроризмом, наделается полномочиями только международными органами. В ином случае они могут стать орудием проведения политики того или иного государства [11, с. 213–218]. «Ко-

лониализм давно осужден, – писал Б.С. Крылов, – но идеология колониализма сохранилась, причем больше всего среди правителей тех стран, которые относятся к числу цивилизованных «защитников прав человека» [11, с. 261]. При этом, по справедливому мнению Б.С. Крылова, «понятие настоящей демократии не ограничивается организацией власти. Ее задачей является защита человека, даже находящегося вне границ данного государства, но при обязательном условии этой защиты только демократическими методами. Не иначе. В ином случае – это насилие, а не демократия» [11, с. 262]. Интересно, что уже в наши дни Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал мировое сообщество дать отпор «Исламскому государству» и другим террористическим группировкам после терактов в Париже в ноябре 2015 г. и выразил надежду на ведущую роль России в этой борьбе [1].

«Как же преодолеть перечисленные сейчас трудности, хотя они и не единственные? Очевидно, – отмечал Б.С. Крылов, – что государства, даже самые цивилизованные, самостоятельно с этим не справятся. Нужно развитие цивилизованной идеологии. Современное общество идет по этому пути. Но медленно. Общий долг, в том числе и правоведов, ускорить движение цивилизации» [11, с. 262]. Разрешению этой проблемы Борис Сергеевич Крылов и посвятил последние годы жизни, работая над столь актуальной на сегодняшний день проблемой влияния идеологии на развитие общества и государства, по сути вернувшись к теме, являвшейся предметом исследования в самом начале его научного пути, – «Фашизация и милитаризация государственного аппарата США после Второй мировой войны» (дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951). Не случайно последняя монография Бориса Сергеевича так и называлась: «Проблемы влияния идеологии на общество и государство» (М., 2013).

### Список литературы:

[1] Генсек ООН отвел России ведущую роль в борьбе с ИГ/ INTERFAX.RU: сайт // URL: <https://news.mail.ru/politics/24042049/?frommail=1> (дата обращения: 22.11.2015).

[2] *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм: Пер. с англ. М.: РидГрупп, 2012. – 512 с.

[3] *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический Проект, 2002. – 560 с.

[4] *Енгибарян Р.В.* Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М.: Норма, 2007.

[5] *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. Возможности и методы влияния (1970–1980 гг.). М., 1982. – 214 с.

[6] *Коврякова Е.В.* Адогматический характер теории разделения властей // *Lex Russica.* 2015. № 5.

[7] *Коврякова Е.В.* Глава 2. Конституционно-правовой статус человека и гражданина в различных группах стран // Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для бакалавров / Отв. ред. Б.А. Стрешин. М.: Проспект, 2013. – 296 с.

[8] *Коврякова Е.В.* Конституционно-правовые отношения между законодательной и исполнительной властями США в области контроля над экспортом оружия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. № 3 (36).

[9] *Коврякова Е.В.* Либеральный фашизм в эпоху информационных войн // Информационные войны. 2015. № 1.

[10] *Коврякова Е.В.* Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М.: ОАО «Издательский дом “Городец”», 2005. – 192 с.

[11] *Крылов Б.С.* Избранные труды: Сборник статей, авторефератов, лекций, тезисов / Сост. Е.В. Коврякова. М.: Проспект, 2017. – 288 с.

[12] *Крылов Б.С.* Парламент буржуазного государства. Политическая сущность и формы парламента и на современном этапе. М.: Издательство Института международных отношений, 1963. – 355 с.

[13] *Кутафин О.Е.* Первый по праву. М.: Прогресс РК, 2011. – 496 с.

[14] *Пол Р.* Покончить с ФРС. СПб.: Питер, 2014. – 240 с.

[15] *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юристъ, 2001. – 292 с.

[16] *Barnett Hilaire.* CONSTITUTIONAL & ADMINISTRATIVE LAW. 7<sup>th</sup> Ed. LONDON AND NEW YORK: Routledge-Cavendish, 2009. – 826 p.

[17] <Hansard Society: сайт> (<https://www.hansardsociety.org.uk/>). Дата обращения: 05.01.2017.



[18] PARPWORTH, NEIL and PADFIELD NICOLA. Constitutional and Administrative Law. 4<sup>th</sup> Ed. Oxford, New York: Oxford University Press Inc., 2009. – 515 p.

[19] Robert K. Carr, Marver H. Bernstein, Donald H. Morrison, Richard C. Snyder, Joseph E. McLean. American Democracy in Theory and Practice. National, State, and Local Government. Revised Edition. New York: Rinehart & Company, Inc., 1956. – 626 p.

**Spisok literatury:**

[1] Gensek OON otvel Rossii vedushhuyu rol' v bor'be s IG/ INTERFAX.RU: sajt // URL: <https://news.mail.ru/politics/24042049/?frommail=1> (data obrashheniya: 22.11.2015).

[2] Goldberg Dzh. Liberal'ny'j fashizm: Per. s angl. M.: RidGrupp, 2012. – 512 s.

[3] Dyuverzhe M. Politicheskie partii. M.: Akademicheskij Proekt, 2002. – 560 s.

[4] Engibaryan R.V. Konstitucionnoe razvitie v sovremennom mire. Osnovny'e tendencii. M.: Norma, 2007.

[5] Ivanov Yu.A. Kongress SShA i vneshnyaya politika. Vozmozhnosti i metody' vliyaniya (1970–1980 gg.). M., 1982. – 214 s.

[6] Kovryakova E.V. Adogmaticeskij karakter teorii razdeleniya vlastej // Lex Russica. 2015. № 5.

[7] Kovryakova E.V. Glava 2. Konstitucionno-pravovoj status cheloveka i grazhdanina v razlichny'x gruppax stran // Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhny'x stran: Uchebnik dlya bakalavrov / Otv. red. B.A. Strashun. M.: Prospekt, 2013. – 296 s.

[8] Kovryakova E.V. Konstitucionno-pravovy'e otnosheniya mezhdru zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vlastyami SShA v oblasti kontrolya nad e'ksportom oruzhiya //

Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropskoe obozrenie. 2001. № 3 (36).

[9] Kovryakova E.V. Liberal'ny'j fashizm v e'poxu informacionny'x vojn // Informacionny'e vojny'. 2015. № 1.

[10] Kovryakova E.V. Parlamentskij kontrol': zarubezhny'j opyt i rossijskaya praktika. M.: OAO «Izdatel'skij dom “Gorodec”», 2005. – 192 s.

[11] Kry'lov B.S. Izbranny'e trudy': Sbornik statej, avtoreferatov, lekcij, tezisov / Sost. E.V. Kovryakova. M.: Prospekt, 2017. – 288 s.

[12] Kry'lov B.S. Parlament burzhuaznogo gosudarstva. Politicheskaya sushhnost' i formy' parlamenta i na sovremennom e'tape. M.: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodny'x otnoshenij, 1963. – 355 s.

[13] Kutafin O.E. Pervyj po pravu. M.: Progress RK, 2011. – 496 s.

[14] Pol R. Pokonchit's FRS. SPb.: Piter, 2014. – 240 s.

[15] Shajo A. Samoogranichenie vlasti (kratkij kurs konstitucionalizma). M.: Yurist», 2001. – 292 s.

[16] Barnett Hilaire. CONSTITUTIONAL & ADMINISTRATIVE LAW. 7th Ed. LONDON AND NEW YORK: Routledge-Cavendish, 2009. – 826 p.

[17] <Hansard Society: sajt> (<https://www.hansardsociety.org.uk/>). Data obrashheniya: 05.01.2017.

[18] PARPWORTH, NEIL and PADFIELD NICOLA. Constitutional and Administrative Law. 4th Ed. Oxford, New York: Oxford University Press Inc., 2009. – 515 r.

[19] Robert K. Carr, Marver H. Bernstein, Donald H. Morrison, Richard C. Snyder, Joseph E. McLean. American Democracy in Theory and Practice. National, State, and Local Government. Revised Edition. New York: Rinehart & Company, Inc., 1956. – 626 p.

